

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 6, Number 298 (2014), 28 – 33

ETHICAL ASPECT OF UNIVERSAL PHILOSOPHY

A. B. Kapyshev

Institute for Philosophy, Political Science and Religions Studies CS MES RK, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: akdem@mail.ru

Key words: morals, religion, belief, spirituality, universal philosophy, transcendent, inner sensuality, humanity.

Abstract. In the article it is considered the place, role and essence of morals in the structure of universal philosophy (United world outlook). The author insists that the morals are impossible without religious attitude to the world, i.e. without religion, because religion is the art of development of spiritual tissue of man, his thinnest deep beginning. As it is an essence of man, the true religion is defined as the art of human development. Although the reduced form of integrity - moral, containing the moment of spirituality, is really possible without confessional form of realization. Morality of man is understood as his spirituality, which has transcendent basis. Therefore spirituality cannot be reduced to any forms of rationality (consciousness) as representing the other quality. Only from the idea that the entire Universe is information of different levels of solidity, it is possible to understand the real place of the ethical in relation of Man – World.

УДК 17 : 001

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Б. Капышев

Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: нравственность, мораль, религия, вера, духовность, универсальная философия, трансцендентное, внутренняя чувственность, человечность.

Аннотация. В статье рассмотрены место, роль, сущность нравственности в составе универсальной философии (Единого миропонимания). В ней утверждается, что нравственность невозможна без религиозного отношения к миру, т.е. без религии, поскольку религия есть искусство развития духовной ткани человека, его тончайшего глубинного начала. А так как оно составляет сущность человека, истинную религию надо определить как искусство развития человека. Хотя редуцированная форма нравственности – мораль, содержащая момент духовности, вполне возможна без конфессиональной формы реализации. Нравственность человека понимается как его духовность, которая имеет трансцендентное основание. Поэтому духовность несводима ни к каким формам рациональности (сознания) как представляющая иное качество. Только исходя из идеи, что всё Мироздание есть информация разного уровня плотности, можно понять истинное место этического в отношении: Человек – Мир.

Проблема нравственного начала человека и его роли в универсальной философии представляется тем более актуальной, когда при исследовании прошлой и современной философской литературы в этом вопросе обнаруживаются резкие противоречия и тупиковые линии. Попытки найти основание человеческой нравственности, человечности, в подавляющем большинстве случаев нельзя считать успешными.

Эпоха современных глобальных проблем и связанной с ними масштабной дегуманизации требует самого серьезного обращения к исследованиям в области этики.

В философской литературе нравственность очень часто пытаются представить в виде определенного среза социальных отношений в их конкретно-исторических формах. Так, академик Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов видит укорененность нравственности в реальном опыте межличностных отношений в качестве его универсальной нравственно ограничивающей схемы. Заключенная в «золотом правиле» схема нравственного мышления и поведения, указывает ученый,

обобщает реальный повседневный опыт межчеловеческих отношений. «Она является действенной, работающей схемой, которую каждодневно и весьма успешно практикуют люди, в том числе и те из них, кто никогда не слышал ни о самом золотом правиле, ни о спорах вокруг него» [1].

Если в нравственном императиве обобщается опыт межчеловеческих отношений, но при этом императив срабатывает даже тогда, когда человек о нем и не слышал, то это заставляет сделать вывод о том, что нравственный закон проявляется, вероятно, на каком-то ином, более высоком уровне опыта, нежели уровень сугубо социальный.

Нравственность по самому своему понятию предполагается неразрывно связанной с ценностями абсолютными, с чем-то, что обозначается как «священное», «сакральное». В противном случае пришлось бы сделать абсурдное заключение, что для нравственности нет ничего святого. Верно поэтому замечает В. А. Бачинин в эссе, присланном на Всероссийский конкурс «Возможна ли нравственность, независимая от религии?»: нельзя не видеть, что в подобных случаях секулярное сознание вместо обретения свободы интеллектуальных изысканий впадает всего лишь в очередную зависимость самого банального свойства – оказывается пленником релятивизма и редукционизма. Разрыв с миром абсолютных оборачивается для него подчиненностью либо внешним государственно-идеологическим ангажемам, либо прихотям такого заказчика, как прагматический рассудок, склонного попадать в зависимость от плоских конструктов неопозитивистского, неударвинистского, неомарксистского, неофрейдистского и прочих толков [2].

Прав в этом отношении и Б. С. Дынин, который считает: отрицание трансцендентного авторитета (Бога) превращает нравственность в иллюзию человеческого сознания <...> нравственное сознание не может освободиться от этого авторитета. Когда детям говорят, не «люби ближнего как самого себя» (как бы нереалистично это ни звучало), но «остерегайся незнакомца» (как бы реалистично это ни было), то налицо не только признак кризиса общения и доверия, но и отказ от них под лозунгом: «Такова реальность!» И если нет трансцендентного Бога, в свете авторитета которого такая реальность представляется нравственной проблемой, она узаконивается как неизбежная реальность. Тогда золотое правило этики, провозглашаемое всеми религиями: «Не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе», теряет смысл в обществе, заключает Б.С. Дынин.

Таким образом, в этих утверждениях чувствуется неудовлетворенность социологической (социокультурной, социально-психологической) трактовкой оснований нравственности. Для авторов сочинений по этике в значительной степени характерна эрудиция не вполне продуктивного свойства: они демонстрируют большие фактические знания, в особенности историко-философского и историко-культурного характера, но эти знания в каждом из сочинений не получают соответствующего мировоззренческого обеспечения и единообразного конкретно-целостного осмысления.

Преувеличение роли принципа историзма несет с собой серьезную опасность, так как легко способно привести к простой фактографии и релятивизму в выводах.

В работах большинства авторов почти не учитывается расщепление этического сознания на два типа – мораль и нравственность. Некоторое исключение в этом плане составляет текст В. А. Бачинина, который пишет о том, что позиция *инклюзивности*, включающая Бога в картины мироздания и культуры, и позиция *эксклюзивности*, исключая Бога из культурно-символической «галактики Гуттенберга», влекут за собой возникновение двух типов нравственного сознания, радикально отличающихся друг от друга, имеющих разные онтологические, аксиологические и нормативные основания, несходные мотивационные структуры, не совпадающие экзистенциальные векторы. В. А. Бачинин понимает недостаточность одной лишь гетерономной, корпоративной моральности и справедливо видит ее как противоположность «теономному» нравственному сознанию. Для теономного сознания Бог выступает главным объяснительным и нормативным принципом всех перипетий духовной и практической деятельности индивидуумов и сообществ, считает он.

В. А. Бачинин формально правильно видит разницу внутри феномена этичности, хотя, к сожалению, не делает из этого необходимых выводов, касающихся отношения нравственности к религии. Другие же авторы сочинений, похоже, совсем недооценивают специфику нравственности и морали, не ощущают их принципиальной разницы. Так, А. А. Коковкина довольно прямолинейно утверждает: нравственность, как и мораль, здесь следует понимать исключительно в этимоло-

гическом смысле – просто как нравы [2]. А В. А. Беляев в своем тексте имеет в виду почти везде мораль, но пишет – «нравственность». Тем самым суть этического во многом размывается и тогда ответить на вопрос о его основаниях становится крайне затруднительно.

Как общий итог, в анализируемых сочинениях ответы на вопрос об отношениях религии и нравственности предстают в виде тавтологии, а по существу – в виде констатации невозможности решения этого вопроса. Здесь, по-видимому, ближе к истине подход, высказанный Л. Н. Толстым: «Постигнуть смысл жизни, ощутить связь с этим объективным смыслом – есть самое важное и единственно важное дело, во имя его всякое другое дело может быть брошено».

За пределы тавтологии не удается выйти и В. А. Беляеву. «Имеет ли исходный вопрос о соотношении нравственности и религии теоретическое решение в масштабах общества и человечества? Не берусь ответить на этот вопрос. Возможно, ценностные решения придут вследствие каких-то практических жизненных обстоятельств». Столь нейтральные выводы оставляют этику в ее основаниях и сущности такой же непонятой, как и в прежние века.

Не спасает дела и то, что авторы время от времени вспоминают об идее Бога в качестве основания нравственности. Не спасает потому, что Бог понимается ими слишком аморфно, как голая «рабочая гипотеза», как внутренне не дифференцированное и не структурированное понятие. А. А. Коковкина, к примеру, не идет дальше максималистского утверждения в духе так называемого панентеизма: «Бог – не часть этого мира, и даже не весь мир целиком. Бог – вне природы...». В воздухе повисают важнейшие вопросы: откуда же Бог, где Он, почему Он – не часть этого мира и т.д.

Одна из главных причин неудовлетворительности современной этики – отсутствие единства в миропонимании, а говоря точнее – принципиальная установка, ограничивающая поиск истины мировоззренческим плюрализмом. Убежденно говорит об этом А. А. Гусейнов: «Разные культуры имеют разные этические программы, разные моральные образы и у каждой из них одинаковое право на существование» [3]. Нельзя не видеть, что подобная эйфорическая оценка, строго говоря, попросту уводит от решения проблемы оснований нравственности, легитимизируя *любой* поступок и представляя *любое* этическое учение как «правильное».

«Основания морали так же безосновны, как и основания философии, – искренне считает, например, А. А. Гусейнов. – <...> Вы не можете спрашивать: почему “субстанция” или почему “не убий”? Сам вопрос “почему” вторичен, произведен от них. И “субстанция”, и “не убий” для того только и предназначены, чтобы можно было ставить сам вопрос “почему” и искать ответы на бесчисленные “почему” – в одном случае познавательные, в другом случае – поведенческие. Их правда и ложь не в том, что им предшествует, а в том, что за ними следует» [3, с. 25; 4].

Из этой безосновной плюралистической и релятивистской философии складывается в конце концов довольно удручающая картина: если философы не дают безусловной системы этики и ее оснований, а вместо нее предлагают смесь истин и заблуждений, то они тем самым не отвечают и на острейшие, животрепещущие вопросы человеческого бытия.

Рискнем предложить в этой связи иной взгляд на проблему, – тот, который конкретизирует и разрешает ее через призму универсальной философии. При ответе на вопрос, возможна ли нравственность, независимая от религии, главная наша мысль заключается в следующем: нравственность невозможна без религии, хотя ее редуцированная форма – мораль – вполне возможна без конфессионального облачения.

Попробуем развернуть этот тезис. И прежде всего, уточним используемые понятия.

Есть нравственность – и есть мораль; есть этика безусловная, абсолютная – и есть этика договорная, производная.

О вполне реальных различиях внутри этических отношений хорошо знали многие мыслители прошлого. Достаточно вспомнить этическую теорию Иммануила Канта, в которой были четко разграничены «моральность» и «легальность».

В современной русскоязычной философии эти различия выражаются в понятиях «мораль» и «нравственность» [5]. При этом:

– мораль носит социально-групповой характер; нравственность – общечеловеческий, единый для всех людей;

– мораль предписывается индивиду извне; нравственность растет изнутри;

– моралью нетрудно пользоваться как средством; нравственность – вне отношения использования;

– мораль оценивается социальным окружением; нравственность – это всегда оценка совестью и самосознанием личности.

Дополним эту классификацию соображением обобщающего характера: мораль имеет дело главным образом с мыслительным аппаратом человека. Различая мораль и нравственность, полагаем, что и корни нравственности рациональны. В области нравственности награды и возмездия лежат в самосознании индивида (так считал, например, А. С. Арсеньев), в то время как нравственность коренится в духовно-чувственном мире личности. Иными словами, мораль относится к сфере внешней целесообразности, к рациональности, тогда как нравственность – к совершенно иной сфере, к внутреннему долженствованию, духовности.

Вопрос «Почему я непременно должен любить моего ближнего?», подобный которому задавал Подросток в одноименном романе Ф. М. Достоевского, вполне резонен. Ибо под идею нравственности действительно требуется подвести серьезное мировоззренческое основание. Одними лозунгами и призывами добродетели не воспитать.

А это мировоззренческое основание, по высшему счету, – в Боге. Потому что невозможно прочно обосновать абсолютное, общечеловеческое, мета-историческое на чем-то частном, конечном, преходящем. В противном случае, т.е. если Бога нет, поистине «всё позволено».

Здесь мы вступаем в область проблематики религиоведческой. И в первую очередь должны со всей ясностью подчеркнуть: *есть религия – а есть конфессиональные ее формы.*

Религия – явление далеко не только социокультурное, она является одной из древнейших форм восприятия и осмысления человеком отношения «Человек – Мир». Поэтому правы те, кто подчеркивает: подмена исследования религиозного отношения к миру исследованием социально-исторического бытия различных конфессий вызывает невообразимую путаницу. Здесь важным является вопрос объективности исследования.

Одно дело – то или иное вероучение, тот или иной культ, та или иная психическая практика. И совсем другое дело – религия *per se*, совпадающая со своим понятием, выражающая высшую истину, воплощенная в каком-то одном из духовных движений.

Речь идет об отношении к миру посредством внутренних чувств, единственно *специфичных для человека*, чувств *высшего порядка*. Они суть последние чувственные основания бытия человека как собственно человека – инварианты человеческого в каждом из нас. Можно выразиться и несколько иначе: внутреннее чувство есть основной тон, сущностная вибрация той духовной ткани, которая образует структуру, именуемую истинным человеческим Я, уникальной индивидуальностью, или *душой*.

Действительно, что такое отношение человека к миру? Это, очевидно, нечто конкретное. И оно должно быть не результатом логического ухищрения, но реальным живым явлением; должно обладать известной «массовидностью» и быть тем особенным, которое в то же время является сущностной характеристикой данной предметной области. Таким требованиям отвечает непосредственно испытываемое внутренним существом человека здоровое чувственное отношение – *эмоциональное расположение* к окружающему миру. Все другие формы отношения «Человек – Мир» напрямую зависят от этого, исходного. Положительным отношением к жизни создается соответствующее – положительное – религиозное, этическое, практическое, познавательное мироотношение, причем так, что все эти формы по сути оказываются синонимами, чем и должны быть в составе целостного отношения «Человек – Мир».

Таким образом, нравственность невозможна без религии (нравственность произошла от религиозного, т.е. благоговейного целостного отношения к Миру), хотя мораль вполне возможна без того или иного конфессионального облачения.

В этом смысле религия, подлинная религия, в объективном плане есть вера в то, что мир, универсум, вселенная – не слепая стохастическая стихия, а проникнута управляющим разумом и духовным светом. Рассмотренная же изнутри, религия есть искусство развития души. А так как душа и есть сущность человека, религия есть искусство развития человека [6].

Где же, в таком случае, истоки нравственности?

Многие мыслители в качестве генетического основания нравственности стремятся утвердить разум, однако любовь, совесть, жертвенность не укладываются в рамки логики целесообразности.

Следовательно, остается единственное объяснение: начало нравственности трансцендентно. Генезис нравственности необходимо видеть в Боге, но с той существенной оговоркой, что само понимание Бога должно быть вполне определенным, конкретным. А именно – пониманием его как особого, уникального Начала в мироздании, отмеченного качеством не столько онтологической креативности, сколько духовной инспиративности.

Религиозность – первичное отношение к Миру. Это – благоговение перед жизнью, перед высшими началами, базисными источниками и основаниями жизни и служение им. Быть религиозным означает признавать Нечто и относиться к нему как святому и священному. Иными словами, религиозное отношение к реальности есть признание и благоговейное восприятие Того, что нас породило.

Будучи связанными с полным доверием, или священной верой, высшие человеческие чувства в своем ядре – чувства религиозные, сакральные. А следовательно, – и нравственные, поскольку предполагают онтологическую укорененность человека в мироздании, его гармонию со всей реальностью.

И если под религиозностью подразумевается глубинно-психологический, априорный феномен обращенности личности к онтологически фундаментальным и этически высоким началам бытия, то в этом смысле религиозность означает *глубину человека, его духовность*.

Здесь надо подчеркнуть особо: «духовность» не есть полный синоним «нравственности». Понятие духовности есть *укоренение* понятия «нравственность», его *углубление и расширение* до понятия «генетического» онтологического основания нравственности, до ее объективно существующего, реального над-природного источника.

Действительно, подлинный человек живет не только своей жизненной силой и уж вовсе не ради нее самой. Есть в нем и другой тип энергии, то благородство, которого нет в природе. Неотъемлемой, сущностной характеристикой жизни человека в ее точном смысле и значении является нечто большее, гораздо более высокое и тонкое, нежели природная жизненная сила. И это нечто находит свое выражение в понятии «человечность». Следовательно, духовность есть то, что делает людей действительно ценными для Мироздания. Важно при этом уяснить и метафизические онтологические основания духовного начала в человеке, т.е. углубить понятие духовности до понимания ее особого трансцендентального истока и транс-исторического смысла. Тем самым духовность, душа должны стать не расплывчатыми идеализациями, не модными словами, а строгими философскими категориями, конкретными понятиями универсальной философии.

Иными словами, если говорить о «духе» по отношению к подлинно человеческому существу, т.е. существу, которое отвечает понятию и достоинству человека, то необходимо признать следующее.

Кроме силы жизни (которая в основном управляет физиологией), или энергии активного функционирования, в человеческом существе должно быть еще и нечто сверх этого и в дополнение к этому: сила, или энергия, способная приподнимать его над материальными условиями жизни, возвышать его над всей остальной Природой – но возвышать благими качествами. Причем даже в тех обстоятельствах, когда, казалось бы, человеку выгодней и удобней подчиниться общему ходу событий в мире материи; когда, как будто бы, для него самого было бы куда полезней, целесообразней двигаться по логике той необходимости, которая вынуждает его заботиться о своей пище, о самосохранении и размножении. Потому что она связана не с мышлением и не с природно-инстинктивными началами, а с духовностью, т.е. живой, внутренне-чувственной устремленностью человека к благу другого.

Дух подлинной человечности, та внутренняя сила, которая делает человека Человеком с большой буквы, есть не просто жизненная сила, или физическая способность, или природная гармония, или инстинкт, или еще что-либо подобное. Это начало называют священным, божественным в человеке. Оно сопряжено с внутренними чувствами, такими как чувство священного, вера (доверие), любовь, благоговение перед жизнью себе подобных и не подобных, чувство вечности, чувство бессмертия.

Именно этим сущностным, светлым и одухотворяющим началом человек разительно отличается от всего остального в Мироздании. И именно им он бесконечно ценен для мира. Человек есть ценность прежде всего потому, что он уникален своими духовными качествами среди законов и явлений материальной Вселенной.

Отсюда очевидно, что назначение человека в мире – вносить в мир духовность, т.е. душевное тепло, любовь, заботливое отношение к Гармонии природного бытия.

Следовательно, далее духовность должна быть практической, т.е. выливаться в творчество во имя людей.

По сути дела, духовность тождественна Любви как тяготению к Иному (а не к себе). Вот почему духовность есть способность никогда не воспринимать окружающее отрицательно, никогда ни одного человека не воспринимать негативно, никогда ни о ком ни при каких условиях не думать плохо.

Главная идея для современного правильного миропонимания – это то, что всё мироздание есть информация разного уровня плотности. Остальное – разворачивание и конкретизация ее. И только такая универсальная философия выражает истинное мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности в истории культуры // «День знаний» в СПГУП 1 сентября 2005. Актовая лекция. –http://guseinov.ru/conf/z_prav.html.
- [2] Здесь и далее выдержки из конкурсных сочинений даются по текстам, которые были представлены на официальном сайте Института философии Российской академии наук – iph.ras.ru. См. также: Возможна ли нравственность, независимая от религии? / Отв. ред. А. А. Гусейнов. – М.: 2012.
- [3] Интервью с академиком РАН Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым // Философия и этика: сборник научных трудов. К 70-летию академика А. А. Гусейнова. – М., 2009. – С. 23.
- [4] Гусейнов А.А. Философия вчера, сегодня, завтра: понимание истинной жизни // аль-Фараби. – 2014. – № 3(47). – С. 3-11.
- [5] Подробно об этом см. напр.: Арсеньев А.С. Парадоксальная универсальность Человека и некоторые проблемы психологии и педагогики // Мир психологии. – 1999. – № 1.
- [6] Ср.: Книга обращений 19:27-28 // Последний Завет. – СПб., 1996. – С. 52.

REFERENCES

- [1] Gusejnov A.A. Zolotoe pravilo npravstvennosti v istorii kul'tury. «Den' znaniy» v SPGUP 1 sentjabrja 2005. Aktovaja lekcija. –http://guseinov.ru/conf/z_prav.html
- [2] Zdes' i dalee vyderzhki iz konkursnyh sochinenij dajutsja po tekstam, kotorye byli predstavleny na oficial'nom sajte Instituta filosofii Rossijskoj akademii nauk – iph.ras.ru. Sm. takzhe: Vozmozhna li npravstvennost', nezavisimaja ot religii? Otv. red. A. A. Gusejnov. M., 2012.
- [3] Interv'ju s akademikom RAN Abdusalamom Abdulkerimovичem Gusejnovym. Filosofija i jetika: sbornik nauchnyh trudov. K 70-letiju akademika A. A. Gusejnova. M., 2009. S. 23.
- [4] Gusejnov A.A. Filosofija vchera, segodnja, zavtra: ponimanie istinnoj zhizni. Al'-Farabi. 2014. № 3(47). S. 3-11.
- [5] Podrobno ob jetom sm. napr.: Arsen'ev A.S. Paradoksal'naja universal'nost' Cheloveka i nekotorye problemy psihologii i pedagogiki. Mir psihologii. 1999. № 1.
- [6] Sr.: Kniga obrashhenij 19:27-28. Poslednij Zavet. SPb., 1996. S. 52.

ӘМБЕБАП ФИЛОСОФИЯНЫҢ ЭТИКАЛЫҚ ҚЫРЫ

А. Б. Капшев

ҚР БҒМҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: адамгершілік, мораль, дін, сенім, руханилық, әмбебап философия, трансценденттік, ішкі сезімдік, адамилық.

Аннотация. Мақалада әмбебап философияның (Біртұтас дүниетүсініктің) құрамындағы адамгершіліктің орны, рөлі, мәні қарастырылады. Онда, адамгершіліктің дүниеге деген діни қатынасыз, яғни дінсіз мүмкін еместігі тұжырымдалады, өйткені дін адамның нәзік те терең ішкі бастауының, оның рухани тінін дамытудың өнері болып табылады. Бұл руханилық адамның мәнін білдіргендіктен шынайы дінді адам дамуының өнері ретінде анықтау керек. Дегенмен, адамгершіліктің редуциялық формасы – руханилық бойынан табылатын мораль өзін жүзеге асыруда конфессиялық форма иеленуі міндетті емес. Адамның адамгершілігі өз бойында трансценденттігі бар оның руханилығы деп ұғынылады. Сондықтан руханилық басқа сипатқа ие рационалдылықтың (сананың) ешқандай да формасына теңгерілмейді. Тек Әлем әрқилы тығыздықтағы ақпарат деген идеядан шыққанда ғана Адам – Әлем қатынасындағы этикалықтың шынайы орнын түсінуге болады.

Поступила 30.10.2014г.